

Роберт Звольский

Корневище. Первая весна

Роберт Звольский

Корневище. Первая весна

<https://litres.ru/74327457>

SelfPub; 2026

Аннотация

Война началась с запаха. Лес пробудился как единый живой организм. Он не убивает — он забирает лица, голоса и души, превращая людей в мимиков. Теперь враг носит облик твоей мамы, брата, тебя самого.

Агата, дочь кузнеца, идёт в сердце Леса. Но чем глубже она проникает во тьму, тем страшнее становится.

«Корневище» — это хрупкая весна после вечной зимы. И она пахнет яблоневым цветом...

Содержание

Глава 1. Пепел и сок	4
Глава 2. Серая Цитадель	8
Глава 3. Инструктаж	15
Глава 4. Марш	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Роберт Звольский

Корневище. Первая весна

Глава 1. Пепел и сок

Война началась не с огня, а с запаха.

Старый тракт, ведущий от Северного форта к Предлесью, пах яблоневым цветом. Запах был густым, сладким, липким — он оседал на языке, забивал ноздри, пропитывал одежду. Солдаты зажимали носы тряпками, но это не помогало. Запах проникал повсюду.

Потом из придорожных кустов вышли деревья.

Они двигались медленно — неспешно, как растёт ветка, но неумолимо. Корни рвали землю, как гнилые бинты. Кора трескалась, обнажая влажную плоть под ней — белёсую, пульсирующую. Ветви хлестали, ломали кости, пробивали доспехи. А потом они начали кричать.

Кричали они голосами тех, кого убили раньше.

Первый полк лёг за полчаса. Выжившие рассказывали, что деревья не просто убивали — они запоминали. Забирали лица, голоса, манеру двигаться. И спустя неделю в человеческие поселения начали приходить люди, которых никто не знал. Они говорили правильно, улыбались правильно, ели, пили, спали. Только пахло от них яблоневым цветом. И

по ночам из-под ногтей у них пробивались тонкие зелёные ростки.

С того дня граница между Лесом и людьми исчезла. Теперь это была война, где враг носил лицо твоей матери, твоего брата, тебя самого.

В деревне Осиновка, зажатой между холмами и мёртвым трактом, война пока была слухом. Сюда добирались беженцы — грязные, напуганные, с пустыми глазами. Они говорили странное: про летающие семена, которые прорастают в лёгких; про поля, где трава сама заплетает ноги; про Лесного Царя, который сидит в сердце чащи и видит всё, что видят его корни.

Им не верили. Или не хотели верить.

Агата, дочь кузнеца, не верила тоже — пока в деревню не пришла её тётя Мира.

Мира пропала три года назад в лесу. Её считали мёртвой. Но вот она стояла на пороге кузницы: та же родинка на щеке, та же привычка теревить край платка, та же улыбка. Агата бросилась обнимать её — и замерла, не дойдя шага.

От тёти пахло яблоневым цветом.

— Ты же рада мне, — сказала Мира ласково. — Обними меня, племянница. Я так долго шла домой.

За спиной тёти, в тени сарая, Агата увидела, как земля под её босыми ступнями слегка вспучилась. Как будто что-то тонкое, белое, живое проталкивалось вниз.

Корни.

Агата схватила с наковальни молот — отцовский, трёхфунтовый, — и шагнула вперёд.

— Я знаю, что ты не она, — сказала она глухо.

Мира склонила голову набок. Улыбка осталась на лице, но глаза изменились: зрачки вытянулись, стали вертикальными, как трещины в старой древесине.

— Я — это она, — сказала существо голосом тёти Миры. — Она здесь. Внутри. Мы теперь вместе. Мы все будем вместе. Так теплее. Так правильно. Ты поймёшь.

Оно сделало шаг. Из рукавов его платья выскользнули два длинных побега — гибких, усыпанных мелкими шипами.

Агата не стала ждать и разнесла существо молотом.

Потом она сидела на полу кузницы, привалившись спиной к наковальне, и смотрела на то, что осталось от тёти. Из разрубленного тела не текла кровь. Только прозрачный сок, липкий, пахнувший цветами. Он медленно впитывался в земляной пол.

Агата плакала впервые за много лет — молча, беззвучно, только плечи вздрагивали. В руках она всё ещё сжимала молот. На нём пузырилась зеленоватая пена.

Она не знала, убила ли она врага — или тётю, которая, может быть, ещё оставалась внутри. И никогда не узнает.

К вечеру она собрала вещи, взяла отцовский молот и вышла на тракт. Деревня ей не поверит — или, хуже, поверит и растерзает её за убийство «родственницы». Путь один: на север, в Серую Цитадель, где, по слухам, собирали отряд для

глубокого рейда в Лес. Отряд, который должен найти и убить Лесного Царя.

Если он вообще существует.

Если его вообще можно убить.

За спиной Агаты, в сгущающихся сумерках, Осиновка засыпала, не зная, что среди её жителей уже есть те, от кого пахнет яблоневым цветом.

Ты уже получил первую главу («Пепел и сок») в одном из предыдущих сообщений. Давай я напишу **вторую главу** — «Серая Цитадель». Если нужна именно первая, скажи, я её повторю. Пока — продолжение истории.

Глава 2. Серая Цитадель

Серую Цитадель построили триста лет назад для войны, которой не случилось. Империя ждала вторжения с юга, возвела крепость на голом холме, подогнала гарнизон — но враг не пришёл. Полвека цитадель гнила без дела, потом её забросили, потом превратили в тюрьму, потом снова забросили. Теперь, когда пришла настоящая беда, камень вспомнил своё предназначение.

Агата добралась до цитадели на четвёртый день пути. Ноги были стёрты в кровь, молот оттягивал плечо, в животе урчало третий день подряд. Она шла через пустые деревни, через поля, где колосья лежали примятые, будто по ним волокли что-то тяжёлое. Ни души. Только ветер и запах — цветочный, сладкий, который то появлялся, то исчезал, как дыхание за спиной.

Ворота цитадели были открыты. У входа горели два факела и стояли часовые с алебардами. Не солдаты — ополченцы, мужики с крестьянскими лицами и неумелой выправкой. Один из них, рыжебородый, преградил ей путь:

— Кого несёт? Беженцы — в восточное крыло. Ежели больна — в лазарет.

— Я не беженка, — сказала Агата. Голос прозвучал хрипло, она сама не узнала его. — Я убила одного из них. Хочу в отряд.

Рыжебородый переглянулся с напарником. Тот пожал плечами.

— Все хотят, — сказал он. — Третьи ворота направо. Найди капитана Орсана. Только он решает.

Внутренний двор цитадели гудел, как растревоженный улей. Телеги с ранеными, груды оружия, костры, на которых варили похлёбку сразу на сотню человек. Пахло дымом, лошадиным потом, сырым камнем. В углу двора священник читал отходную над телом, завёрнутым в мешковину. Никто не оборачивался — к смерти здесь привыкли.

Агата нашла третьи ворота. За ними был малый плац — каменный пятачок, где десяток человек рубились на деревянных мечах под окрики сержанта. Ещё двое чинили доспехи у стены. И у самого края, на перевёрнутом ящике из-под стрел, сидел человек, которого она сразу определила как капитана.

Орсан был невысок, но кряжист — из тех, кто не гнётся ни под грузом, ни под временем. Лицо в шрамах, волосы седые, стянуты в хвост, на шее — два локона на шнурке: светлый и тёмный, явно женский и детский. Он чистил короткий меч, не глядя на подошедшую девушку, и заговорил первым:

— Молот.

Агата остановилась в трёх шагах:

— Что?

— Молот у тебя за спиной, — он по-прежнему не поднимал глаз. — Кузнечный. Трёхфунтовый. Рукоять перемотана

кожей, кожа стёрта у наверхия. Таким молотом работали, а не воевали. Ты кузнец?

— Дочь кузнеца, — сказала она. — Но работать умею.

— А убивать?

— Уже умею.

Орсан отложил меч и наконец посмотрел на неё. Глаза у него были светло-серые, почти бесцветные, как зимнее небо. Он смотрел долго, изучающе, без тени смущения. Агата выдержала взгляд.

— Кого убила?

— Ту, что пришла под видом моей тёти. Мимика. Пахла яблоневым цветом. Из руки вылезли побеги с шипами. Я разнесла ей голову.

— Чем?

— Вот этим, — она сняла молот с плеча и показала. На бойке ещё осталась зеленоватая корка засохшего сока.

Орсан поднялся, подошёл ближе, осмотрел молот. Потом её руки. Потом лицо.

— Как зовут?

— Агата.

— Слушай, Агата, дочь кузнеца, — сказал он негромко. — Ты пришла, потому что тебе некуда идти. Твоя деревня тебя не поймёт, родных не осталось, в душе — пепел. Ты хочешь убивать, чтобы заглушить то, что внутри. Я прав?

Она сжала зубы, но кивнула.

— Это проходит, — сказал Орсан. — Не глушится, но

притупляется. Я иду в Лес через пять дней. Мне нужны те, кто уже видел врага и не сломался. Мечник из тебя никакой, но молот — это хорошо. Против древесной плоти рубящее не всегда годится. Дробящее — лучше. Будешь учиться. Если выживешь в первом рейде — станешь бойцом. Не выживешь — значит, не судьба.

Он протянул руку. Агата пожалала её — ладонь у капитана была сухая, жёсткая, как кора.

— Вейко! — крикнул Орсан куда-то в сторону. От стены отделилась тень, которую она до этого принимала за грудку тряпья.

Человек, подошедший к ним, был тощим и длинным, как жердь. Одет в серое, волосы серые, глаза серые. Двигался бесшумно, будто перетекал с места на место. Он не был стар, но выглядел так, словно его вымочили в реке и забыли высушить.

— Покажи ей базу, — сказал Орсан. — И отведи к Лике. Пусть осмотрит. Если найдёт что-то под ногтями — сама знаешь.

Вейко кивнул и, не сказав ни слова, пошёл прочь. Агата, поколебавшись, двинулась за ним.

— Зачем к лекарю? — спросила она, догоняя.

Вейко не обернулся, но ответил. Голос у него был тихий, шелестящий, как сухая листва:

— Он не лекарь. Он патологоанатом. Режет мёртвых мимиков. И иногда — живых, у кого нашли заражение. Тебя

проверят. Это не больно.

Она хотела спросить ещё что-то, но он уже скользнул в низкую дверь, и Агате пришлось пригнуться, чтобы войти следом.

Лазарет помещался в подвале. Там было холодно, пахло уксусом и чем-то сладковатым — не цветочным, а другим, медицинским. Ряды коек, на которых лежали раненные. И дальше, за занавеской, — отдельная комната с ярким масляным светильником и мраморным столом.

За столом стояла женщина лет тридцати пяти, худая, с коротко стриженными волосами и руками, обтянутыми резиновыми перчатками — редкость, дорогая вещь. Она подняла глаза на вошедших и устало вздохнула:

— Ещё одна. Раздевайся до пояса. Руки на стол. Ногти покажи.

Агата замешкалась. Вейко уже исчез — она даже не заметила, как он ушёл. Осталась только эта женщина с острым взглядом и скальпелем в руке.

— Ты глухая? — спросила та. — Я Лика. Если ты заражена, я узнаю это раньше, чем ты успеешь прорасти. Если нет — выйдешь отсюда и пойдёшь ужинать. Раздевайся.

Агата сняла рубаху. Лика подошла, взяла её руки, осмотрела ногти один за другим, провела пальцами по коже головы, за ушами, вдоль позвоночника. Движения были быстрые, профессиональные, почти безразличные.

— Чисто, — сказала она наконец. — Можешь одеваться.

И тут же, без паузы, спросила:

— Ты её убила — ту, что пришла к тебе. Когда ударила — куда попала?

— В шею. Потом в голову.

— Сок был?

— Да. Прозрачный. Пах яблоками.

Лица кивнула, что-то записала на клочке бумаги.

— Сок не опасен при попадании на кожу. Опасно, когда он попадает в кровь. Запомни: если тебя ранят их шипом — сразу прижигай. Лучше шрам, чем корни внутри. Поняла?

— Поняла.

— Тогда иди. Ужин в западном крыле. Завтра тренировка с Вейко. Он научит тебя не умирать сразу. Остальное — на твоей совести.

Агата вышла из лазарета в сгущающиеся сумерки. Во дворе уже зажгли факелы, и пламя металось на ветру, отбрасывая дёрганые тени на каменные стены. Она нашла западное крыло, получила миску чечевичной похлёбки, села в углу на корточки и съела всё до капли, хотя вкуса не чувствовала.

Рядом ужинали другие добровольцы — человек двадцать, разного возраста и вида. Кто-то смеялся, кто-то молча смотрел в стену. Она не заговаривала ни с кем. Ей казалось, что все они смотрят на неё и знают — знают про тётю, про молот, про запах яблок, который до сих пор иногда мерещился в темноте.

После ужина она нашла свободную койку в общем бараке,

легла поверх одеяла и уставилась в каменный потолок. Молот лежал рядом — она не расставалась с ним даже во сне.

Где-то за стенами цитадели, за холмами, за мёртвыми деревьями, стоял Лес. Он ждал. Он знал, что они идут. И в глубине, под корнями старого дуба, Корневище медленно перебирало воспоминания всех, кого поглотило — включая тётю Миру, которая всё ещё любила племянницу и ждала её.

Не чтобы убить. Чтобы обнять.

Глава 3. Инструктаж

Утром Агату разбудил не горн и не окрик сержанта — а тишина. В бараке было пусто, койки заправлены, окна открыты, и холодный ветер гулял между рядами, как хозяин, проверяющий владения. Она села, спустила ноги на каменный пол, нащупала молот. Он был холодным — ночью цитадель не держала тепло.

Завтрак она пропустила. Вместо столовой пошла в малый зал, куда Вейко велел явиться «с первым светом». Первый свет она проспала, но Вейко, казалось, не заметил. Он сидел на корточках в центре пустого зала, спиной к двери, и что-то чертил палочкой на пыльном полу.

— Садись, — сказал он, не оборачиваясь. — Сейчас будут остальные.

Остальные пришли в течение получаса. Агата рассматривала тех, с кем ей предстояло идти в Лес. Кроме Вейко и Орсана, которых она уже знала, в зал спустились ещё четверо:

Первым вошёл молодой парень с выбритой головой и шрамом через левую бровь. Двигался он резко, угловато, будто постоянно с кем-то спорил. На поясе у него висел короткий меч, на спине — круглый щит с обгоревшим краем. Он сел напротив Агаты и уставился на неё с вызовом.

— Бранн, — представился он, хотя она не спрашивала. — Ты та самая, что молотом мимика завалила?

— Я.

— Врёшь небось.

— Бранн, заткнись, — сказала Лика, входя следом. Сегодня она была без резиновых перчаток, в простой серой тунике, но острый взгляд остался при ней. Она села у стены, скрестила ноги и положила на колени толстую тетрадь в кожаном переплёте.

Последним вошёл Орсан. Он закрыл дверь, проверил, плотно ли она прилегает, и только после этого заговорил:

— Через четыре дня мы выступаем. До Леса — три дня пешего марша. Там — неизвестно сколько. Может, неделя. Может, месяц. Может, никто не вернётся. Сейчас Лика расскажет вам то, что мы знаем о враге. Вопросы — в конце. Если после её рассказа кто-то захочет уйти — я пойму. Сейчас — слушайте.

Лика открыла тетрадь. Страницы были исписаны мелким, убористым почерком, с рисунками на полях — анатомические зарисовки, схемы корней, поперечные срезы.

— Два года назад, — начала она, — Лес впервые проявил агрессию. Не просто защищался от лесорубов, как раньше, а целенаправленно атаковал. Первый зафиксированный случай — патруль у деревни Вязовка. Пятеро солдат. Трёх убили сразу, двое пропали. Через неделю они вернулись. Говорили, что заблудились, что прятались в овраге. Им поверили. На восьмую ночь они убили караульных и открыли ворота. В деревню вошли деревья. Из двухсот жителей выжили две-

надцать человек.

Ли́ка перевернула страницу.

— После этого мы начали изучать врага. То, что я сейчас скажу, — результат вскрытий, допросов пленных мимиков на ранней стадии и наблюдений. Слушайте внимательно. Повторять не буду.

Она взяла со стола кусок угля и подошла к стене, где уже была нарисована грубая схема.

— Лес — это не множество отдельных деревьев. Это один организм. Корневище. Грибница, сросшаяся с корневой системой, — она обвела углём переплетённые линии. — Оно связывает всё: деревья, кусты, траву, мох, поглощённых животных и людей. Если ты наступил на мох в десяти милях от ближайшего мимика — Лес знает, что ты здесь. Если ты сломал ветку — он знает. Если ты порезался и капля крови упала на землю — он знает.

— И что, нам теперь лететь? — хмыкнул Бранн.

— Я сказала: вопросы потом, — отрезала Ли́ка. — Сейчас — слушай.

Она нарисовала на стене человеческую фигуру.

— Мимик — это человек, поглощённый Корневищем. Процесс идёт в три стадии. Первая: внешне жертва неотличима от живого человека. Сохраняет память, речь, привычки, даже привязанности. Единственный признак — запах. От мимика пахнет цветами. Не всегда яблоневыми — это зависит от дерева-носителя. Но всегда сладко, приторно, неесте-

ственно.

Агата вспомнила запах тёти Миры, и её передёрнуло.

— Вторая стадия, — Лика нарисовала линии, расходящиеся от рук и ног фигуры, — начинается через пять-десять дней после заражения. Из-под ногтей прорастают побеги. Из ступней — корни. Мимик всё ещё говорит, всё ещё помнит себя, но уже не контролирует тело. Корневище управляет им напрямую.

Она зачеркнула лицо фигуры.

— Третья стадия — слияние. Человеческое сознание растворяется окончательно. Тело врастает в землю, становится частью Корневища. Это уже не враг и не жертва. Это орган. Глаз. Нерв. Безликая часть целого.

В зале было тихо. Даже Бранн перестал ёрзать.

— А сознание? — спросила Агата. — Тот, кого поглотили, — он страдает?

Лика посмотрела на неё долгим взглядом, и Агата поняла, что этот вопрос ей задают не впервые.

— Мы не знаем, — сказала Лика. — Допросить можно только тех, кто на первой стадии. Они говорят, что Лес предлагает им покой. Что внутри Корневища нет боли, нет страха, нет одиночества. Они все там — все, кого поглотили раньше. Семьи, возлюбленные, друзья. Они вместе. Навсегда.

— Это ложь, — резко сказал Орсан. — Лес врёт. Он использует их память как приманку.

— Возможно, — согласилась Лика. — А возможно, и нет. Но для нас это не имеет значения. Наша задача — дойти до центра и уничтожить Лесного Царя.

Она нарисовала в центре схемы большой круг, от которого расходились линии-лучи.

— Лесной Царь — это центральный узел Корневища. Самое старое дерево в чаще. Если верить допросам, ему несколько тысяч лет. Оно не просто управляет Лесом — оно и есть Лес. Его сознание распределено по всему Корневищу, но центр — здесь. Если уничтожить Царя, связь прервётся. Мимики станут обычными деревьями. Корневище погибнет.

— Или отрастёт новое, — тихо сказал Вейко.

Все повернулись к нему. Он по-прежнему сидел на корточках и не поднимал глаз.

— Лес был здесь до нас, — сказал он. — Корневище умирало и возрождалось много раз. Люди рубят лес — он отращает. Люди жгут — он возвращается. Если мы убьём Царя, Лес не исчезнет. Просто появится новый Царь. Через сто лет. Или через тысячу. Война будет идти, пока одна из сторон не исчезнет совсем.

— Вот поэтому мы и должны сжечь всё, — сказал Бранн с жаром. — Весь Лес, до последнего пня. Чтобы даже корням негде было прятаться.

— Хватит, — оборвал Орсан. — Стратегию будем обсуждать, когда дойдём. Сейчас важно, чтобы каждый знал, как убивать и как не быть убитым. Лика, продолжай.

Ли́ка отложи́ла уго́ль и верну́лась к тетради.

— Уязвимости мимиков. Первое: огонь. Горит всё — кора, сок, корни. Но сырой Лес поджечь трудно, нужен хороший факел или масло. Второе: дробящее оружие. Мечи и стрелы проходят сквозь древесную плоть, не нанося критического урона. Топоры, молоты, палицы — то, что ломает и крушит, — работают лучше. Третье: сок не опасен при попадании на кожу, но если попадёт в кровь — заражение почти гарантировано. Четвёртое: если вас ранили шипом или веткой — прижигать немедленно. Шрам останется, но вы останетесь людьми.

— Как быстро происходит заражение? — спросила Агата.

— По-разному. У кого-то — за сутки. У кого-то — неделю. Мы не знаем, от чего это зависит. Есть теория, что Корневище само решает, как быстро поглощать. Если ему нужен шпион — даёт мимику время войти в доверие. Если нужен солдат — обращает быстро.

Ли́ка закры́ла тетрадь.

— На сегодня всё. Ещё будут занятия — по тактике боя, по ориентированию в Лесу, по распознаванию мимиков. Вопросы?

Вопросов было много. Бранн хотел знать, горят ли мимики быстрее обычных людей (да, но при горении выделяют ядовитый дым). Вейко спросил, можно ли перерезать корни и отсечь часть Леса от Корневища (можно, но корни срастаются обратно за несколько часов). Агата молчала, запоминая

каждое слово.

Когда инструктаж закончился, Орсан задержал её у двери.

— Ты не спросила про тётю, — сказал он негромко. —

Лика сказала, что поглощённые не страдают. Ты поверила?

Агата сжала рукоять молота.

— Я не знаю. Но я не иду в Лес ради мести.

— А ради чего?

Она задумалась. Ответ не приходил — или приходил, но не в слова.

— Ради того, чтобы понять, — сказала она наконец. —

Я убила существо с лицом моей тёти. Я не знаю, убила ли я врага — или её саму. И я не знаю, что лучше: чтобы она была мертва — или чтобы она была там, внутри, и считала, что ей хорошо.

Орсан кивнул. На его лице ничего не отразилось.

— Я тоже не знаю, — сказал он. — Но я всё равно иду.

Может, вдвоём узнаем.

Он вышел. Агата осталась в пустом зале, перед схемой на стене — переплетение линий, похожее на паутину, и круг в центре. Лесной Царь.

Она попыталась представить его. Старое дерево, огромное, как башня. Кора, пульсирующая как кожа. И где-то внутри — тётя Мира, которая больше не Мира, но всё ещё помнит свою племянницу.

Ждёт её.

Или охотится.

Агата взяла молот и пошла во двор — тренироваться.

Глава 4. Марш

На рассвете пятого дня отряд выступил.

Их было двенадцать: Орсан, Вейко, Лика, Бранн, Агата и семеро добровольцев, набранных в цитадели. Трое из них — бывшие дровосеки, братья из одной деревни, с топорами и мрачным молчанием, словно они уже знали, что не вернутся. Ещё двое — ополченцы с алебардами, и пара молодых парней, которым едва стукнуло восемнадцать. Последние шли с таким видом, будто идут на геройство, и Агата старалась не смотреть на них — слишком живо они напоминали ей её неделю назад.

Вышли до восхода, пока над холмами висел серый туман. Орсан повёл отряд не по тракту, а обходным путём — через мёртвые поля, по руслам пересохших рек, тропами, которых не было ни на одной карте. Вейко шёл впереди, шагов на сто, и исчезал в тумане так плавно, будто сам был частью этого тумана.

Первый день прошёл без происшествий. Шли быстро, молча, останавливались трижды — короткие привалы, по глотку воды, по куску хлеба. К вечеру встали лагерем в низине, у старой овчарни, от которой остались только заросшие стены без крыши.

Орсан выставил двойные караулы. Агата дежурила первой сменой — с Бранном. Тот всю ночь говорил без умолку, и это

было даже хорошо: его болтовня отгоняла тишину, которая после заката становилась слишком глубокой.

— Говорят, у тебя молот отцовский, — сказал Бранн, подбрасывая в костёр сухую ветку. — Отец был кузнецом?

— Есть, — поправила Агата. — Он жив. Остался в деревне.

— А чего не с тобой?

— Сказал, что старая наковальня важнее. И что если Лес придёт в Осиновку, он встретит его там.

Бранн присвистнул.

— Суровый у тебя отец.

— Обычный. Просто не умеет бояться. И не умеет прощать.

Она не добавила, что отец мог не поверить ей насчёт тёти Миры.

На второй день пошёл дождь. Мелкий, ледяной, он висел в воздухе водяной пылью и пропитывал одежду, сколько ни кутайся. Дорога превратилась в грязь, сапоги скользили, алембарды цеплялись за низкие ветки. Настроение в отряде поползло вниз.

Ближе к вечеру Вейко остановился у кромки заброшенной деревни и поднял руку. Отряд замер.

— Чуете? — спросил он тихо.

Агата приняхалась. Сквозь запах дождя, земли и мокрой шерсти пробивалось что-то другое — сладкое, тошнотворно-цветочное. Яблоневый цвет.

— Мимики, — сказала она.

— Нет, — Вейко покачал головой. — Уже нет. Это третья стадия. Спилые. Сращённые с Корневищем. Они не ходят. Но если подойти близко — могут выпустить корни.

Орсан приказал обойти деревню стороной. Шли ещё час, петляя между холмами, и всё это время запах не ослабевал. Казалось, он шёл от самой земли — будто почва сочилась этой сладостью, как улей сочится мёдом.

Ночью дождь усилился. Костра не разводили — мокрое дерево давало больше дыма, чем тепла, а дым Лес мог учуять за мили. Сидели в темноте, прижавшись спинами к валуну, ждали рассвета.

Агата не спала. Она смотрела, как Лика при свете крошечного масляного фонаря пишет в своей тетради — упрямо, методично, будто заводит механизм, который не должен остановиться.

— Что ты записываешь? — спросила Агата.

— Всё, — ответила Лика, не поднимая головы. — Погоду. Настроение людей. Запах. Расстояние. Через сто лет такие записи будут стоять дороже золота. Если кто-нибудь останется, чтобы их прочесть...

— Ты правда веришь, что мы дойдём?

Лика перестала писать. Подняла глаза. В свете фонаря её лицо казалось старше, чем днём, — со впалыми щеками и тёмными кругами под глазами.

— Дойдём — скорее нет, чем да, — сказала она. — Но

это не значит, что не нужно идти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.